

Про Луку Степановича (2)

[Уж ли] было у детины да у возлюбленна
Он оделсэ нынь в цветно, цветно платьицо
И пошёл он, Лука, да во божью церквú.
И подходит к олтарю и подслушиват,
Да какие нынь поют пенья церковныя?
Да поют бы нынь пеньё последняё.
Ему совестно бы стало б, да добру молодцу, —
Он бы прóспал обедню да воскресенскую.
Он пошел бы, Лука, да вдоль бы ó морё,
Он ходил бы, Лука, да вдоль пó моря.
Тут летит-то змея да лютоедная,
Лютоедная змея да сорокопегая:
«Я хочу тебя, Лука, да бы целком сглотну,
И хочу тебя, Лука, в хобота складу!»
И схватила бы Луку да Степановича,
Забрала бы нынь во хоботы широкие,
Унесла нынь Луку да за синё морё,
Как на те же бы горы на высокие,
Да на ту же земельку на Турецкую.
Тут разоспáлся бы змея да сероперая,
Тут раскинула хоботá свои, большия хóбота.
Выходил-то Лука ныне сын Степанович,
Он смотрел бы он тепере да во вси стороны:
Да в одной бы стороны — да бы морё синёё,
Во другой бы стороны — да поля чистыя,
Да по третьей стороны — горы высокия,
Во четвертой стороны — ой да лесы тёмныё.
Он подыскивал себе ныне полётничко,
Вот полено бы оно, да бы тя<жело> бревно.
Он бы взял-то бревёшко да во белы́ руки,
Воздымал бы ведь то бревёшко да выше головы,
Опускал то бревёшко да во лютú змею —
Он разбил бы, разломил ей телечь голову.
Тут пропала так змея ныне лютоедная.
Он отправилсе, детинка, да добрый молодец,

Не долго ли он шел, не коротко ли —
Он сам все, детинка, да приросплакалсе.
Он и сел тогда, детинка, да на сыру землю:
«Привязалось, верно, горюшко ко доброму,
Да ко доброму всё горё, да добру молодцу,
Да который он бы может да горё мыкати,
Горе мыкати, детина, да слезно плакати».
Он выходит бы, детина, дак на круты горы,
Он смотрит, детина, да во все стороны:
Да в одной бы стороны — горы высокие,
Да в другой стороны — там поля чистые,
Во третьей стороны — нынь море синёе.
Там он видит: впереди сила стоит,
Стоит силушка великая.
Сосчитал он, сосметкал всех бы до единого:
Их немножко тут стоит — да тридцать тысячей.
Тут пошёл бы Лука да сын Степанович
Да на эту бы нынь силушку великую:
«Еще что стоите, удалы да добры молодцы?
Вы какой же земли, какого-сь царства вы?» —
«Мы того же турецкого мы того царя,
Ныне той же земли всё бы Турецкой». —
«Каковой же вашей царь ле нынь приимчивой,
Он приимчивой ле царь, ай, ле хороший той?» —
«Да приимчивой царь наш бы хороший той,
Он примат таких людей да заходящих,
Заходящих людей, да заблудящих».
Распростилсе Лука дак с силой великой,
Он держит ещё бы путь, ещё вперёд идёт.
Он долго ле тут шёл ле, не коротко ле —
Завидел нынче силушку великую.
Сосметал он, сосчитал всех до единого.
Он подходит нынь ко той силы великой,
Он здороваётся со силею великой:
«Уж вы здравствуйте тут, удалы добры молодцы!
Вас немного стоит — двадцать тысячей,
Сосметал я теперича до единого.
А каков же бы ваш теперя ваш-от царь?
Принимает ли таких людей заходящих,

Заходящих бы людей, заблудящих?» —
«Наш хорошей бы царь, нам бы нравится,
Принимат бы таких людей, ему надобны!»
И распростился Лука, он пошел вперед.
Он и долго шел теперь, коротко ли,
Он ведь вышел на горы да на высокие,
Тут завидел теперь бы ихний стольный град,
И кругом его силы-то много-множество.
И подходит нонь ко силушке великой,
И здороваётся со силой со великой:
«Вы примаете ли таких людей заходящих,
Заходящих людей бы, заблудящих?» —
«Принимают у нас всех людей хороших,
Заблудящих людей, да заходящих!» —
«Запустите-ко, ребята, мя во ваш-от град,
Да спустите вы меня да к самому царю!»
И тут бы взяли тут ребята да добра молодца,
И вели его теперь да к самому царю.
Как бы царь бы он нынь взрадовался же:
«Да такого бы сынка да принимать можно».
И говорил бы Лука да сын Степанович:
«Да прими хошь ты меня во стольнички!»
Принимал-то тогда его царь во стольнички.
Он и долго ли тут жил, да не коротко ли,
На честных бы он пирах он все бы стольничал.
Тут с царевною они все соглашались бы —
Как царевна тут его нынь возлюбила она:
Как бы ложечку хошь сронит — она тут кланяется.
Вот они тут, бат, да согласились.
Вот и стали тут бояра жалиться,
Тут и стали на его все да возносите:
«Как бы все у нас служат ды службу царскую —
Еще нету только службы ему царской».
Да удумали они бы нынь царю соврать,
Чтоб послать его бы в земли во дальние,
Сослужить бы ему службу царскую
Да во том бы царстве да во дальнем:
Как бы есть там бы хитрости-мудрости,
Разузнати бы ему хитрости-мудрости —

Не убьют ли его тут бы, не уходят ли,
Не воротитсе он да бы назад потом.
Призывал бы царь его да нынь турецкий же,
Он и сказыват ему бы службу царскую —
Поезжать бы ему во земли дальние,
Там узнать бы все хитрости-мудрости:
«Сосходить бы тебе в землю дальнюю,
Разузнать бы тебе хитрости да мудрости!»
Отправлялсе детина, да суряжалсе он,
Отправлялсе детина да в землю в дальнюю
Распознати те хитрости бы, мудрости,
Как к тому бы царю да земли дальноей.
Он приехал во земли во дальние —
Показали ему все хитрости-мудрости:
Там накопаны копы да земли медной,
Там отправлены мины нынче с порохом.
Не спускают к этим минам бы с порохом
И направляют эти мины да с порохом.
Это списал он все эти хитрости-мудрости,
Все бы эти нынче мины бы с порохом,
И узнал бы, как ныне снаряжают их,
Еще как бы эти мины их спускают их, —
Обратитсе нынь теперича назад ему.
И приехал нынь к царю да ко турецкому:
«Сослужил я те нынче службу верную,
Тебе верную службу, да неизменную,
Я смотрел эти все хитрости-мудрости:
Там заряжены бочки нынь бы с порохом,
Разрывают нынче землю да они все поверхнюю!»
Опять дал ему царь волю вольною.
Тогда взял он царевну себе взамуж же.
Долго ли он жил, да не коротко ли —
Его стала жена нынче беременна.
Принесла ему, детинушке бы, двух сынов.
Долго ли он жил тут, не коротко ли, —
Его стали нынче дети да дивны умницы.
И накинули опять на его служебку,
Как несутся бояра кособрюхие:
«Он живет у царя во чужом царстве же,

Он хозяином живет нынь, не работает —
Он пущай-ко съездит во земли во дальние,
Он изведает пущай да хитрости-мудрости,
Привезет пущай птичку заморскую».
И вернулсе нынь Лука да сын Степанович
Он к тому ли ко царю да ко турецкому,
Говорит ему тогда да таковы слова:
«Сослужил-то бы теперь я службу верную,
Сослужил я теперь да неизменную,
Я привез тебе, чего ныне надобно».
Тогда жил он теперь долго ли, коротко ли —
Тут бы стал он с женой соглашатисе,
Они зачали промеж собой разговаривати,
Да ко своей ли стороны домой итти:
«И над нами бы бояра все выгаляютсе,
Выгаляютсе они, да нынче зуб грызут,
Все они бы нонь царю да нынче клязуют
И хотят-то упекчй-то нас до смерти же.
Мы направим-ко теперича черлен кораб,
И отправимсе теперь мы во свою землю,
Ко тому бы ко князю ко Степанову!»
И суряжался-снаряжался добрый молодец,
Он забрал жену да чадов милых,
Распрощалсе бы теперь нынь с родом-племенем,
Распрощалсе с царем да все турецким же,
И отправилсе детина да о синё морё.
Тут бежал он долго ли, коротко ли,
Он бежит о горы да все высокие —
Тут играют богатыри все могучие,
Они играют нонь как бы мячиком.
Как бы старшему сыну захотелосе
С богатырями бы поиграть бы нынь,
А этого бы мячика похватать бы нынь.
Соскочил он с кораблика же нáземь нынь,
Он скочил бы на гору да на высокую —
Тут бы зачали играть они ныне мячиком:
Как бы кинул бы Илья да во первóй након —
Тут схватил его мальчик во белы руки.
Во другой раз теперь — да перекинулсе.

Осердилсе тут бы Илья да Муромец:
«Да какой же мальчишка нынь играт со мной,
Да кака же у мальчишки нынче сила же,
Да не подхватыват нынь мальчишка мячика!»
Со сноровки он кинул нож во белу грудь —
Тут и пал его сынок бы на сыру землю.
Пристал ко горы Лука да сын Степанович:
«Ой ты ой еси, Илья, да Илья Муромец!
Помешал у меня дитяти на сырой земле,
Начто ж было тебе грудь ножом садить,
Ножом сáдить со сноровкою?»
И тогда бы нонь Илья да извиняется:
«Есть же у тебя тут чадо милое,
Чадо милое твое да одинакое,
Тебе можно на него бы насмотретисе».
И отправилсе Лука да сын Степанович,
Да оставил тут дитя, чада милого,
Он отправилсе теперь к себе домой.
Да приехал бы Лука да к своему отцу,
Он стал бы жить тут веки вечные
И княжить теперь да нонь с княгинею.

(Зап. Колпаковой Н. П.: 10 авг. 1956 г., д. Калюши Нарьян-Марского р-на — от Пономарева Андрея Федоровича, 72 г.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 2: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.